

Принудительное влечение

Автор:

Юлия Климова

Принудительное влечение

Юлия Климова

Не ропщите, сограждане, ибо мало не покажется! Поливанова Ольга почти два года пребывала в состоянии затяжной депрессии. Все фобии, которые только существовали на свете, гнездились в ее душе. Два года назад ее муж – перспективный бандит по кличке Острый – пал смертью храбрых в одной из криминальных разборок. Это не помешало вдовушке вести безбедное существование, одолевая ежедневным перечислением своих маний психоаналитика. Во время очередного сеанса нитья девица с удивлением обнаруживает: собеседник мертв. Более того, застрелен. Вот где настоящий ужас, даже придумывать ничего не надо. Лучше быстрее унести ноги, что Ольга и делает...

Юлия Климова

Принудительное влечение

Глава 1

Если ваш психоаналитик мертв, это еще не значит, что его убили именно вы

– ...Как жить, когда меня кругом подстерегают опасности? Вчера прищемила палец ящиком мусоропровода, это было и больно, и противно! Я вам уже

говорила, что плохо сплю? Меня мучают кошмары. Постоянно снятся бульдоги, обгладывающие человеческие кости, падающие самолеты, наводнения, космические войны и саблезубые тигры. Снотворное не помогает, впрочем, последние три месяца я не принимаю лекарства – боюсь умереть во сне. – Ольга тяжело вздохнула, достала из сумочки белоснежный платок и нервно стала наматывать его на палец. – А вы смотрели вчера телевизор? Двое преступников сбежали из заключения, пьяный водитель врезался на грузовике в табачный ларек, собака покусала продавца колбасных изделий, а в трех кварталах от моего дома случился пожар... Как жить, я вас спрашиваю?! Если бы вы знали, каких трудов мне стоило приехать сюда... на каждом перекрестке я умирала от страха. По статистике, именно на перекрестках случаются самые ужасные аварии. Илья Петрович, а вы как по ночам спите? Спокойно?

Не дождавшись ответа, Оля покосилась в сторону окна и вновь тяжело вздохнула – до чего же трудная штука эта жизнь!

Поливанова Ольга почти два года пребывала в состоянии затяжной депрессии. Все мании, которые только существовали на свете, гнездились в ее душе, вытесняя разумное, доброе, вечное. Два года назад ее муж – перспективный бандит Поливанов Денис по кличке Острый – пал смертью храбрых в одной из криминальных разборок. Ольга продала роскошный дом в Подмоскowie и перебралась в просторную двухкомнатную квартиру в центре Москвы. Работать она не собиралась – денег на безбедную жизнь было предостаточно.

Сначала Ольга просто грустила, затем к привычному состоянию добавилась гнетущая тоска, потом она впала в философию, а потом поняла, что человеческая жизнь коротка и что на свете существует слишком много вещей, которые могут укоротить ее еще больше. Ольга, подавив приступ паники, отправилась к психоаналитику Самаринскому Илье Петровичу. И вот уже почти два года делилась с этим терпеливым человеком своими страхами и горестями. Собственно говоря, только в его кабинете она и чувствовала себя спокойно... относительно спокойно.

– А микробы?! Они же везде! Подползут, незаметные глазу, и начинают грызть тело. Мне всего только двадцать восемь лет, а я уже обглодана с ног до головы невидимыми микроорганизмами. – Оля закусила губу и покачала головой. – Может, мне протираться спиртом? Хотя, если микробы склонны к алкоголизму, то потом я от них уже никогда не избавлюсь. Илья Петрович, а вы не замечали, что мясо стало каким-то сладковатым? Интересно, чем сейчас кормят коров и

свиной...

Ольга посмотрела на сидевшего к ней спиной Самаринского и вздохнула в третий раз. Она уже привыкла к тому, что психоаналитик давно махнул на нее рукой и уже не разжевывает ей происхождение маний, а просто терпеливо все выслушивает, потом убирает в верхний ящик стола деньги и выражает надежду, что до следующего вторника с нею ничего не случится. Надеялся Илья Петрович всегда зря: Ольга приходила к нему через день, а то и чаще. Зависело это от выпуска новостей, ночных кошмаров и погрешностей обычной жизни.

– Какой сегодня день недели? Неважно. Хотя нет, вдруг я умру именно сегодня, даже не зная, какой нынче день. – Оля резко встала и полезла в сумочку за конвертом с деньгами, подошла к столу и замерла в ожидании привычных, прощальных слов. Самаринский не поворачивался, он все так же сидел в кресле лицом к стене и спиной к своей постоянной пациентке. – Я приду завтра, мне еще о многом надо с вами поговорить.

Тишина ржавым гвоздем царапнула по нервам. Ольга, испугавшись, что Илья Петрович уснул и не услышал всех тех важных слов, которые она ему говорила, что духовная связь между ними не случилась, обошла стол и слегка развернула кресло.

Самаринский смотрел на нее пустыми тусклыми глазами. Лицо белое, губы синеватые, а на белоснежной рубашке – бордовое пятно с аккуратненькой рваной дырочкой в центре.

– Илья Петрович, – прошептала Оля, отступая назад, – вы же не хотите сказать, что вы... что вы... умерли?

Она издала сиплый стон, почувствовала приступ тошноты, зажала ладонью рот и, вздрагивая при каждом шаге, попятилась к двери. Оступилась и с грохотом рухнула на ковер.

– У-у-у, – тихонечко завывала Ольга и, точно партизан со стажем, ловко поползла к двери. Перевела дыхание, судорожно схватилась за ножку шкафа и обернулась в сторону стола. Взгляд запутался в бахромке ковра и замер, натолкнувшись на игривый блеск желтого металла...

* * *

Стаканы бодро позвякивали, вареное яйцо перекатывалось по салфетке, а румяная куриная нога манила, обещая праздник вкуса и приятную тяжесть в желудке. Ирочка счастливо улыбнулась и прислушалась к стуку вагонов. Они отбивали весьма приятную мелодию: «В Москву, мы везем тебя в Москву!»

Ирочке недавно исполнился двадцать один год. Всю свою жизнь она провела в маленьком городке Тамбовской области и, если бы не обстоятельства, так и не собралась бы в столицу. Но теперь у нее была Цель.

- Угощайтесь, - предложила она пышнотелой соседке по купе, кивая на разложенную курицу. - Она вкусная.

- Спасибо, деточка, только я мясо не ем. Сажу на овощах. Надоело уже, но здоровье иного не позволяет. А ты, значит, в Москву едешь?

- Ага, - Ирочка кивнула, посыпая яйцо мелкой солью.

- По делу или в гости?

- И по делу, и в гости, - она загадочно улыбнулась. Поведать о своих планах очень хотелось, но пока Ирочка еще размышляла, довериться соседке или нет.

- А я вот к сыну направляюсь. Три года назад уехал учиться, теперь видимся раз в сто лет. А тебя на вокзале встретят? Сумка у тебя больно большая и рюкзак.

- Нет, я сюрпризом.

Соседка посмотрела на девушку с сомнением.

- А ты уверена, что найдешь, где жить? В Москве цены о-го-го какие.

- Уверена, - твердо ответила Ирочка и мечтательно вздохнула. Ни о каких трудностях и речи быть не может, впереди ее ждет счастливая жизнь - осталось-то совсем немного.

– А дело у тебя в Москве какое? На работу устроиться хочешь?

И тут Ирочка почувствовала, что больше терпеть не может, ей просто необходимо поделиться хоть с кем-нибудь своими мечтами, которые, конечно же, очень скоро станут явью. Она наклонилась под столик, развязала тесемку рюкзака, достала сложенный пополам слегка помятый журнал, развернула его и протянула соседке.

– Вот смотрите. Это мой жених.

Глаза у соседки медленно, но верно поползли на лоб. С фотографии на нее смотрел всем известный актер Андрей Ларионов – красавец мужчина, по которому сходили и сходят с ума сотни тысяч женщин. Она медленно перевела взгляд на взволнованную Ирочку: невысокая, крепенькая, пухлые щечки, мешковатая одежда и наполненные ожиданием счастья большие голубые глаза.

– Хм, – сказала женщина, не зная, как реагировать на слова девушки. Жених? Да какое там...

– Он, правда, еще не знает, что я к нему еду, – улыбнулась Ирочка, – но это ерунда. Он меня увидит и сразу полюбит.

Ну, теперь все встало на свои места. Соседка нахмурилась, понимая, что перед ней обыкновенная сумасшедшая поклонница, которой бесполезно что-либо объяснять – все равно не услышит.

– Вы почитайте интервью, почитайте, – засуетилась Ирочка. – Его там спрашивают, на какой девушке он готов жениться, и Андрей описывает именно меня. Сомнений быть не может! Он даже сказал, что хочет, чтобы будущая жена была из маленького городка. Мне теперь только бы встретиться с ним, а уж дальше... – Ирочка смущенно замолчала, на щечках заиграл румянец.

– Удачи тебе, деточка, – с сочувствием сказала соседка, возвращая журнал.

Если у вас паника, а под боком нет ни одного живого психоаналитика, доверьтесь близкому человеку – пару часов вашего бреда он вполне выдержит

Оля два часа петляла по Москве, бубнила: «Господи, помоги», крестилась, издавала мычащие звуки, трясла кулачком, всхлипывала, опять обращалась к богу и искренне полагала, что дни ее сочтены. Откуда должна была прийти опасность, особо не задумывалась – за каждым углом мерещились страшные убийцы с пистолетами.

– Как же я теперь проживу без психоаналитика... – ныла она, вылезая из машины. – Кто же теперь будет реанимировать мою хрупкую душу?

Хлопнув дверцей машины, она дрожащими руками убрала ключи в сумочку и, непрерывно оглядываясь по сторонам, заспешила к дому. Шея болела от напряжения, а сердце то подскакивало вверх, то с грохотом падало вниз.

– Больше никогда не выйду из своей квартиры, – решительно выдала Ольга, кидая тревожный взгляд в сторону неряшливого мужика, привалившегося к углу ларька. – Никогда!

Случившееся никак не укладывалось у нее в голове. Самаринского убили... Да этого просто не может быть! Нет и еще раз нет! Она ничего не видела и ничего не знает. Она просто не могла целый час разговаривать с трупом, рассказывать о самом сокровенном и наиболее болезненном... Ольга почувствовала, как по спине побежали мурашки, и зашагала быстрее. Впереди маячил родной подъезд – еще немного, и она окажется в спасительном окружении стен собственной квартиры.

В лифте Ольга нервно следила за меняющимися на табло цифрами. Скорее, скорее! Перед глазами скакало кровавое пятно на белой рубашке и рваная дырочка от пули.

– Господи, помоги, – в который раз простонала Оля и шагнула на свой этаж.

Около ее двери на огромной сумке и рюкзаке с закрытыми глазами лежала девушка, которая на первый взгляд показалась странной – чудная прическа и чудная одежда. В голове у Ольги пролетела вполне объяснимая в данной ситуации мысль: «Она мертва, ее тоже убили». Потом мелькнула следующая

мысль: «Она пришла меня убить, потому что я свидетель...»

Пробраться в квартиру незаметно, минуя спящую девушку, возможности не было. Ольга, надеясь на чудо, вознесла глаза к серому потолку, осторожно, стараясь не издавать никаких звуков, достала ключи и мелкими шажками стала двигаться к двери. Мысленно она уже влетала в квартиру, захлопывала дверь и баррикадировалась мебелью.

– Ой, ты уже пришла. А я Ира, дочь троюродной сестры твоей мамы, – раздался радостный голос.

Оля вздрогнула, замерла с поднятой ногой и покосилась в сторону девушки. Та подскочила, подхватила сумку, рюкзак и, видимо, приготовилась к радушному приему.

– Москва такая огромная, я еле до тебя добралась, – продолжила Ирочка. – Здорово, что мы встретились, правда? Твоя мама полтора года назад приглашала меня в гости, открытку под Новый год поздравительную присылала с вашими адресами, ну я и воспользовалась...

Оля смутно понимала, что происходит. Мама умерла год назад, и да, кажется, у них есть какие-то родственники в какой-то там области, но... Но это же не значит, что с ними надо поддерживать такие тесные отношения...

– Ты не рада? – спросила Ирочка. – Я же тебе говорю, я Зайцева Ира, твоя родственница.

– Очень приятно, – торопливо выдала Оля, прикидывая, успеет ли она захлопнуть дверь перед носом незнакомки или нет, – но у меня сейчас черная полоса в жизни, так что ты заходи, конечно, только в другой раз. Лучше через пару лет.

Оля сунула ключ в замок, крутанула его и уже собралась влететь в квартиру, как намеченные планы рухнули. Ирочка оттеснила ее рюкзаком в сторону и решительно зашла в просторный коридор. Грохнула сумку на пол и заявила:

– Жить я буду здесь!

Ирочкин характер иногда выкидывал такие сальто, что она и сама удивлялась. Вроде скромная, тихая и неисправимая мечтательница, но в то же время способная на совершенно необъяснимые и неожиданные для самой себя поступки. Вот и сейчас, почувствовав, что ей здесь не очень-то рады, что мечта в виде Андрея Ларионова может померкнуть, она разозлилась и вторглась в чужое жилище с твердым намерением не отступить. Сверкнув голубыми глазами, она расстегнула коричневую вязаную кофту, повесила ее в шкаф, скинула потрепанные босоножки и направилась в комнату.

Обстановка Ирочку поразила. Красиво и богато. Огромный телевизор, тяжелые бархатные шторы, светлый ковер с редким рисунком, уютная мягкая мебель, полочки, заставленные причудливыми вазочками, и многое другое, что удивляло и восхищало.

Пока гостья осматривала апартаменты, Оля тяжело дышала и обмахивалась тетрадкой с жесткой обложкой, в которую записывала телефоны. Что делать? Выставить девчонку не получится, но и милицию вызвать нет никакой возможности. Какая уж тут милиция... Только от одной мысли о правоохранительных органах перед глазами вновь появилось кровавое пятно на белой рубашке Самаринского.

– Ты на сколько приехала? – Язык не слушался, но Оля все же выдавила из себя этот вопрос.

– Надолго.

Ответ прозвучал как приговор. Хозяйка квартиры метнулась на кухню и принялась пить ледяную воду из крана – первый раз за последний год она не воспользовалась фильтром, в инструкции к которому было написано, что он спасает от всех бед и продлевает жизнь минимум на семь лет.

– А где я буду спать? – донеслось из комнаты.

Оля выпрямилась, качнулась и подлетела к гостье. Еще пара секунд, и набросилась бы на нее с криком и кулаками, но, наткнувшись на теплый свет голубых глаз, вдруг почувствовала огромное облегчение – это же хорошо, что теперь она не одна, что рядом есть пусть и незнакомый, но все-таки ЖИВОЙ человек. Оля рухнула на диван и зарыдала.

– Эй, ты чего? – тихо спросила Ирочка, тыкая хозяйку пальцем. Может, она припадочная и чокнутая? Может, все же лучше вернуться на вокзал?

– У меня горе, – всхлипывая, простонала Оля.

– А какое?

– Мой психоаналитик умер.

– Чего?

Ирочку жизнь в свое время потрепала прилично – родителей похоронила, одно время перебивалась с хлеба на воду, разные трудности вставали на пути, но вот о таком горе, как умерший психоаналитик, она слышала впервые.

– Илья Петрович умер сегодня, часа три назад, – немного успокаиваясь, более внятно ответила Ольга.

– Жаль, конечно, – протянула Ирочка, почесывая затылок, – теперь все понятно.

Собственно, ничего понятно не было. Живого психоаналитика она ни разу не видела, мертвого тоже, а уж представить себе, что кто-то в реальной, а не киношной жизни ложится на кушетку и рассказывает о своих проблемах постороннему человеку, вообще не могла. На всякий случай Ирочка решила проявить сочувствие.

– А от чего он умер? – поинтересовалась она, присаживаясь рядом с Ольгой.

– Пристрелили его! Понимаешь? – ответила та, вновь утопая в слезах. – Я была у него... рассказывала обо всем, что случилось за два последних дня... он слушал... вернее, я думала, что слушает... А потом... – она всхлинула и выдохнула: – А потом оказалось, что его убили... Я не знала, что он мертвый... Он ко мне спиной сидел, его из-за спинки кресла и не видно было.

Ирочка пришла к выводу, что ее родственница точно чокнутая и в дальнейшем больше ничему удивляться не стоит.

– А зачем же ты ходишь к психоаналитику, если он с тобой даже не разговаривает?

– Не твое дело, – огрызнулась Оля. – У меня жизнь очень тяжелая... А Илья Петрович меня понимал, вернее, считал меня очень трудной и давал возможность выговориться.

– Другими словами, давно махнул на тебя рукой, – вздохнула Ирочка.

Оля опять начала всхлипывать:

– Даже не понимаю, как все это получилось... Я зашла, поздоровалась, села в кресло... я всегда сажусь в то, которое около пальмы... стала делиться с Ильей Петровичем своими проблемами... Да, он действительно последние полгода едва поддерживает беседу... говорит, что мне надо плюнуть на все... что я маюсь дурью... Он какую-то научную работу пишет, отказался на время почти от всех пациентов, а меня оставил...

Минут десять Ольга жаловалась на судьбу и живо описывала, как обнаружила мертвого Самаринского, как запаниковала и сбежала из кабинета. Ирочка слушала развесив уши, не сводя глаз с взволнованной родственницы.

– Ты как думаешь? Я теперь ценный свидетель? Меня могут убить? – дрожащим голосом спросила Ольга.

– Нет, – мотнула головой Ирочка, – ты вообще не свидетель, потому что ничего важного не видела.... Ты подозреваемая в убийстве.

Оля вскочила, побледнела и плюхнулась обратно на диван: подобное в голову даже не приходило. Все два часа, потраченные на кружение по городу, она тряслась только от одной мысли: за ней гонятся убийцы и надо срочно запутать следы и спрятаться. Теперь же ситуация заиграла в иной плоскости...

– Я была записана к нему на прием на эти самые проклятые два часа, – простонала Оля, – и какого черта его убили именно перед моим приходом!

Палец, поцарапанный ящиком мусоропровода, сразу заныл, а в глазах все поплыло.

– А кто-нибудь видел, как ты заходила в кабинет? – спросила Ирочка, чем вернула Олю в более-менее нормальное состояние.

– Вроде нет... я не уверена... Секретарши Лидочки точно не было на месте, наверное, в магазин побежала.

Ирочка задумалась. Если вспомнить все детективные сериалы, которые она посмотрела, то картина впереди маячила не слишком-то радужная.

– К тебе, конечно, придет следователь и, конечно, будет задавать вопросы... – спрогнозировала Ирочка, – но ты заранее не расстраивайся... А может, тебе лучше не признаваться, что ты ходила на прием и видела мертвого психоаналитика?

Оля посмотрела на Иру с уважением – хоть и молоденькая, а голова варит.

– Точно! Я ничего не видела и ничего не знаю! Но как же быть с алиби...

– А ты скажешь, что не смогла пойти к Илье Петровичу, потому что встречала меня. Я твоя единственная родственница, и ты так обрадовалась моему приезду, что позабыла обо всем на свете.

Теперь Оля смотрела на Ирочку с обожанием и восхищением.

– Так, – резко подскочила она, – жить будешь у меня, располагайся и чувствуй себя как дома. Шмотки в шкаф – я тебе полку освобожу, махровый халат в ванной, крема€ и косметика там же.

– Спасибо, – поблагодарила Ирочка за наконец-то радушный прием.

– Эх, не хочется умирать в двадцать восемь лет. – Оля потерла лоб. – Вот Самаринского убили, я ему сколько раз говорила, что жизнь висит на волоске, а он не верил. Даже посмеивался надо мной... Он при жизни ничего был – симпатичный, совсем недавно тридцать шесть лет стукнуло. – Ольга покачала

головой и вновь вспомнила пустые глаза психоаналитика и кровавое пятно с дырочкой. – А ты в Москву по делу приехала или просто так, погулять? – резко переключилась она на другую тему.

Ирочка вдруг смутилась, покраснела и заерзала на мягком диване. Боевой настрой улетучился, и она вновь вернулась к своему привычному мечтательно-воздушному состоянию.

– Чего молчишь-то, – наблюдая за переменами в девушке, спросила Оля.

Ирочка полезла в рюкзак, достала журнал и положила его на стол.

– Вот, – помедлив, сказала она. – Я его люблю и хочу за него замуж.

Оля взяла журнал и посмотрела на фотографию. Подняла глаза на Ирочку, часто-часто заморгала и теперь, в свою очередь, онемев, думала о том, что девушка, стоящая перед ней, совершенно чокнутая, без сомнения, точно ее родственница. Они одной крови!

– Дай слово, что поможешь мне с ним встретиться, – потребовала Ирочка, опуская глаза. – Я помогу тебе, а ты мне.

– Даю, – просипела Ольга. На другие слова у нее просто не хватило сил – денек выдался еще тот.

Глава 3

Если вас подозревают в убийстве психоаналитика, прикиньтесь дурочкой – иногда этот прием работает

P.S. Только не перестарайтесь

С утра в квартире царил нервное напряжение – Оля готовилась к разговору со следователем. Полагая, что тот явится при погонах, она с волнением наблюдала

за аркой, ведущей во двор. Ирочка время от времени дежурила в коридоре, прислушиваясь к жужжащему лифту.

– А может, он все же не придет? – с надеждой в голосе спросила Оля, хватая с полки пузырьки с валерьянкой. – Что, у него дел других нет, как только шляться по квартирам и мучить безвинных женщин своими вопросами.

– Насколько я знаю, – пожала плечами Ирочка, – других дел у него действительно нет. Ему преступника искать надо, а ты самая подходящая кандидатура.

Следователя Ольга не узнала. Маленький, щуплый, лысый мужичок, вылезший из припорошенного пылью бирюзового «жигуленка», вообще не привлек ее внимания. Он был похож на случайного прохожего, а не на ловкого и мозговитого сыщика, способного противостоять криминальному миру.

Голосистое пение дверного звонка на миг парализовало Ольгу. Через пару секунд она медленно поднялась со стула и на негнущихся ногах сделала несколько шагов в сторону коридора.

– Я открою, – влетела в комнату Ирочка. Увидев бледную родственницу, всплеснула руками, усадила ее обратно на стул и затараторила: – Возьми себя в руки, ты что, в тюрьму хочешь? В камерах крысы и уголовники, и, уж поверь мне, никаких психоаналитиков там нет. Вспомни, о чем мы договаривались. Вспомни, как мы вчера репетировали, – ты болезная, слабая женщина, у которой голова немного набекрень. Не можешь жить без Самаринского, и для тебя его смерть настоящий траур. Ты должна отвести от себя подозрение. Поняла?

– Поняла, – выдохнула Оля, чувствуя, как в душе зарождается буря. Где этот следователь?! Сейчас она блестяще сыграет свою роль!

– Помни, твоя судьба в твоих руках, – четко произнесла Ирочка и бросилась к двери.

Весь вечер они размышляли, как же лучше поступить. Ольга вцепилась в идею представить все так, будто она не ходила на прием к Самаринскому, и уже ни о чем другом слышать не хотела. Ей казалось – это единственный шанс на спасение. Помимо следователя, она еще до ужаса боялась убийцу, который все

же мог посчитать ее свидетельницей, а умирать по-прежнему не хотелось. Ирочка утешала как могла, но этого было недостаточно. Чтобы сгладить нервную ситуацию, девушки провели несколько репетиций будущего допроса. Ольга изображала недалекую дамочку, витавшую в мире грез и кошмаров, а Ирочка сурового следователя, ехидно задающего каверзные вопросы. К двенадцати часам ночи Оля немного пришла в себя, вжилась в роль и уже не подскакивала от страха каждые пять минут. И вот – репетиции позади, пора выходить на сцену...

– Васечкин Борис Яковлевич, – представился тощий мужчина и протянул вперед раскрытое удостоверение.

– Оля, к нам следователь, – лучась удивлением, сказала Ирочка, выглядывая из-за спины Васечкина. – Ты вызывала его?

Борис Яковлевич выдал «хе-хе» и уселся в огромное кресло. Он был таким миниатюрным, что почти потерялся между подлокотниками.

– Нет, я не вызывала следователя... – задумчиво выдала Оля и, вспомнив слова Ирочки: «Помни, твоя судьба в твоих руках», мило улыбнулась. Пригладила волны каштановых волос, выставила вперед ножку в голубой махровой тапке и кокетливо вздернула бровь. Такой наглой смелости она и сама от себя не ожидала – вот что значит жажда жизни... – А вы по какому вопросу?

– Вы знакомы с Самаринским Ильей Петровичем? – раздался первый вопрос. Васечкин дернул острым носиком и почесал за ухом. Уши у него оказались приличных размеров, пожалуй, он был вправе ими гордиться.

– Конечно. – Ольга попыталась изобразить на лице волшебное состояние нирваны. – Это мой самый любимый психоаналитик на свете. Мы с ним одно целое. Вот уже два года он помогает мне оправиться после смерти мужа. Я, знаете ли, вдова... – Оля тяжело вздохнула и провела пальчиками по листочкам фикуса.

– Вашим мужем был Поливанов Денис, известный в определенных кругах под кличкой Острый?

Оля почувствовала, как нервы вновь разбредаются в разные стороны, – а следовательно-то подготовился к их встрече... Теперь на нее точно повесят убийство Самаринского, ведь бывший муж зарабатывал на жизнь не совсем честным трудом, значит, и ей доверия не будет... Когда замуж выходила, не знала, а потом как-то все закрутилось... а потом его пристрелили. Можно сказать, замужество даже прочувствовать не успела.

– По какой кличке? – выкатывая глаза якобы от удивления, спросила Оля.

Ирочка прислонилась к стене – таких подробностей она не знала. Похоже, дело осложняется...

– Острый, – едко ответил Борис Яковлевич. – Его так прозвали, потому что больше всего на свете он уважал финки.

– Финки – это что? – заинтересованно спросила Оля, вспоминая, как в гроб ее супруга бывшие дружки торжественно положили три плоских ящика с коллекцией холодного оружия.

– Давайте вернемся к вашему психоаналитику, – улыбнулся Васечкин, покосившись на Ирочку.

– Может, чайку? – вежливо предложила та и расплылась в радушной улыбке.

– Пожалуй, – одобрил следователь, и девушка заспешила на кухню.

– Самаринский Илья Петрович был убит вчера. Застрелен, – выдержав паузу, сообщил Борис Яковлевич. – Вам что-нибудь известно по этому поводу?

Следующую сцену Ольге даже не пришлось играть, скорбь от потери родного до боли психоаналитика была искренней и естественной.

– Этого не может быть, – замотала она головой, и в глазах заблестели слезы. – Но как же так?.. Вы уверены? Скажите, прошу вас, скажите, что вы ошибаетесь?! – Оля прижала руки к груди и с мольбой посмотрела на Васечкина. – Он и Ирочка – это все, что у меня есть на этом свете. Я не смогу без него, просто не смогу! – Она издала стон, прикрыла рот ладошкой и качественно

изобразила помутнение рассудка.

Видя, что хозяйка квартиры побелела как мел, следователь ловко вскочил с кресла и бросился на помощь.

– Давайте я провожу вас до дивана, – сказал он, заботливо придерживая Олю за локоть.

– Я любила его, я его так любила... как человека, как психоаналитика и как... – она махнула рукой, – боюсь, вы этого не поймете.

«Помни, твоя судьба в твоих руках» – слова вновь всплыли в голове, и Ольга принялась всхлипывать в два раза громче. Села на диван и сложила руки на коленях.

– Он всегда меня так слушал... помогал добрым словом... возвращал меня к жизни после смерти мужа... это ужасно. А когда похороны? Я хочу проститься с Ильей Петровичем.

– О похоронах мы вам сообщим, а пока, пожалуйста, ответьте на мои вопросы. Вы вчера встречались с Самаринским?

– Увы, нет. Если бы я знала, что его убьют, обязательно бы сходила посмотреть на него в последний раз.

– По расписанию вы должны были прийти на прием в два часа дня, убили Самаринского приблизительно с часу до двух...

– Вы что хотите сказать, – перебила Оля, – что это я его убила?.. Да как вы можете?.. – Она застонала и закрыла лицо руками.

– Скажите, где вы были в это время и почему не пришли на прием?

– А вот и чай, – вплыла в комнату Ирочка. В руках поднос, на лице бесконечное дружелюбие. – Я еще прихватила печенье и виноград. Прошу за стол, так вам будет удобнее.

Васечкин устремился к столу, а Ольга, оторвав ладони от лица, запричитала:

– Ира, Илью Петровича убили, я тебе о нем рассказывала – чудесный человек. Ты представляешь? И случилось это как раз вчера. Подумать только, если бы я не отправилась на вокзал встречать тебя, он бы, возможно, был сейчас жив.

Сказав это, Ольга мысленно перекрестилась, обратилась к богу с мольбой о понимании и прощении и пообещала в дальнейшем врать только в редких случаях, когда другого выхода просто не будет.

Васечкин, хлебнув чая, отправив в рот крупную виноградину, оживился и детально изучил алиби. Ирочке пришлось принести билет, а Ольге подробно рассказать о том, как она встречала единственную родственницу, как радовалась, увидев ее, и как даже не подозревала, что в это самое время замечательного человека Илью Петровича шпигуют пулями.

Оля очень боялась, что секретарша Лидочка или кто-то другой все же видели ее, но, несмотря на это, все же врала и молилась, молилась и врала.

– А могу ли я осведомиться, – налегая на печенье, спросил Васечкин, – с какими именно проблемами вы обращались к Самаринскому? Что вас беспокоит, кроме смерти мужа?

– У меня страхи, – дрожащим голосом выдала Оля. – Понимаете, я боюсь всего... Бактерии, микробы, крысы, ведьмы, лишаи, змеи... Их так много, а я одна...

Борис Яковлевич оторвался от голубой узорчатой чашки и уставился на хозяйку квартиры.

– ...еще меня беспокоят озоновые дыры, красная кнопка в чемоданчике президента, снежный человек, инопланетяне, угри, которые могут перерасти в опухоли, звуки из труб по ночам, плохие замки на клетках в зоопарке... а еще... – Оля понизила голос и прошептала: – А еще я боюсь, что в канализации живут мутанты, которые раз в месяц выползают на поверхность...

– А почему же только раз в месяц? – ошарашенно спросил Васечкин.

– Это я себя так утешаю, – всхлипнула Оля, – не хочется думать, что они это делают чаще.

Борис Яковлевич покосился на Ирочку, та пожала плечами – мол, что вы хотите, моя дальняя родственница – слабонервная дама, остро нуждается в общении с горячо любимым психоаналитиком. Теперь-то вы понимаете, дорогой следователь, что она не могла убить Самаринского, потому что без него просто пропадет.

– Илья Петрович, родненький, – запричитала Оля, – на кого же вы меня покинули...

– Глотни чайку, – заботливо предложила ей Ирочка. – Тебе необходимо сейчас отвлечься. Борис Яковлевич, нельзя ли отложить этот разговор? Вы же видите, Оля очень переживает...

– Да, да, – закивал Васечкин, опасливо глядя на хозяйку квартиры. Положил на стол небольшой листок бумаги, исписанный мелким почерком, и добавил: – Прошу вас завтра зайти ко мне, адрес здесь. У вас возьмут отпечатки пальцев, и, возможно, мы с вами побеседуем еще раз.

Оля пробормотала: «Хорошо», всхлипнула и попросила Иру проводить гостя. Когда дверь за Борисом Яковлевичем захлопнулась, девушки бросились на кухню и принялись шумно обсуждать состоявшуюся беседу.

– Я думала – умру! – воскликнула Оля, разливая по рюмкам кофейный ликер. – Ты видела, как он смотрел на меня... Кошмар!

– Очень даже неплохо все прошло, – похрустывая яблоком, ответила Ирочка.

– Мне тоже так показалось.

– Подаришь им завтра свои отпечатки, ответишь на пару вопросов и будешь спать спокойно до конца своих дней.

Последние слова явно были лишними, Ольга живо себе представила гроб и плавную музыку.

– Мне нужны успокоительные и просто необходим новый живой психоаналитик! – Оля добавила в ликер оставшуюся валерьянку и выпила все залпом. – Да! Мне нужен новый психоаналитик! Найди его!

Ирочка пребывала в замешательстве. Где водятся целители душ, она не знала, а в том, что один из них нужен срочно, сомнений не было. Оля наливала уже четвертую рюмку ликера и, трясая над ней пустой склянкой от травяной настойки, слезно просила:

– Ну давай, миленькая, еще хотя бы одну капельку.

Шаг к выздоровлению уже был сделан, но результат требовалось закрепить.

* * *

Старенькие часы с помутневшим стеклом и одной погнутой стрелкой настойчиво тикали, намекая Егору Васильевичу, что пора бы уже откланяться. Целую неделю он гостил у своей зазнобы, забросив балконное приусадебное хозяйство вместе со всеми прочими обязанностями.

– А скажи-ка, моя дорогая Любовь Григорьевна, что этой молодежи надо? – зевая, спросил Егор Васильевич, почесывая при этом заросший подбородок.

– Ремня, – выдала многовековой рецепт налаживания отношений с подрастающим поколением Любовь Григорьевна. Одернула передник и подложила на тарелку любимого еще один пухлый, перемазанный сметаной сырник. – Кушай, Егор, больно удались в этот раз.

Егор Васильевич отодвинул тарелку в сторону. На душе последние два дня было беспокойно – какой уж тут аппетит.

– Загостился я что-то, – поднимаясь со стула, сказал он. – Пора домой.

– Да ты что, только неделю и побыл. Деваха твоя большая уже, справится. – Любовь Григорьевна поджала губы и распахнула холодильник – чем бы еще умаслить любимого?

– Одна она у меня... Пойду, а то мало ли чего опять учудила.

Егор Васильевич с ранней молодости был большим любителем женщин и, дожив до шестидесяти пяти лет, не утратил интереса к прекрасному полу. Он бы с радостью погостил у зазнобы еще пару дней, но дома ждала внучка. Натянув кепку, давно потерявшую цвет, он притянул к себе недовольную Любовь Григорьевну, запечатлел на ее мягкой щеке смачный поцелуй и, пообещав заглянуть через пару-тройку дней, вышел из квартиры.

Вернувшись домой, Егор Васильевич сразу же почувствовал неладное – в шкафу нет рюкзака, а вязаная кофта Ирочки не болтается на вешалке.

– Убегла! – хлопнул себя ладонями по бокам Егор Васильевич. – Ах, негодница! Неужто к актеру своему подалась?!

Он поспешил в комнату Ирочки. Комод пуст, а на столе записка:

«Дедушка, я знаю, что ты будешь ругаться, но иначе не могла. Я люблю его – он моя судьба. Напишу, как только смогу.

Не волнуйся, все будет хорошо.

Ира»

– Ну стервец, я до тебя доберусь! – заорал Егор Васильевич, грозя кулаком огромной фотографии Андрея Ларионова, висевшей на стене. – Найду и убью паршивца! Задурил девке голову и думаешь, тебе это с рук сойдет! Только попробуй тронь ее! Убью!

Егор Васильевич резко выдвинул ящик стола – где-то здесь хранилась новогодняя открытка родственников из Москвы. Только к ним могла отправиться Ирочка, больше не к кому.

– Вот ты, голубушка, – вертя в руках глянцевую карточку с Дедом Морозом, процедил Егор Васильевич и опять обернулся к фотографии Ларионова. – Я тебя сам к загсу притащу, ты и опомниться не успеешь.

Полив на балконе кабачок, торчавший из ведра, Егор Васильевич Зайцев отправился на вокзал.

Глава 4

Если вам срочно понадобился новый психоаналитик, берите первого попавшегося, чего уж ковыряться

Вооружившись толстым справочником и телефоном, Ирочка сидела на диване и с опаской поглядывала на Олю. Та, допив ликер, впала в полнейшее уныние – то бросалась к шкафу собирать вещи на период тюремного заключения, то кидалась к столу писать завещание. Приятным во всей этой нездоровой суматохе было только одно – Ирочке она завещала почти все.

– Да найду я тебе сейчас психоаналитика, потерпи немного.

– Плохих полно, а хороших – раз, два и обчелся, – покачала головой Ольга и махнула рукой. – Вот и закончилась моя жизнь горемычная в двадцать восемь лет. Три дороги передо мной: в тюрьму, в психушку или на поругание убийце. Ты бы что выбрала?

Ирочка хотела для приличия задуматься, но не выдержала и покрутила пальцем у виска:

– Тебе лечиться надо...

– Так я же об этом и говорю, – радостно закивала Ольга. – Значит, в психушку.

Ирочка придвинула к себе справочник, нахмурилась и, придя к выводу, что чем раньше она найдет хоть какого-нибудь психоаналитика, тем лучше, стала набирать первый попавшийся телефонный номер.

Через двадцать минут она бодро, чтобы не травмировать лишний раз Ольгу, сообщила:

– Один отказался, он только семьями занимается, еще трое загружены по самые уши. Некая дама предлагала записать тебя на октябрь, но, боюсь, два месяца ты не протянешь, я, кстати, тоже. Двое работают только по субботам, а один старикан постоянно спрашивал, какой у тебя размер груди... я ему отказала сама...

– Этого я и боялась, – обреченно выдохнула Оля. – Я умру от разрыва души.

– От этого еще никто не умирал.

– Значит, буду первая.

Ирочка продолжила обзвон, и на этот раз ей повезло больше. Три психоаналитика пригласили на прием. Ирочка записала Ольгу на разное время, чтобы иметь возможность выбора – пусть поболтает со всеми и определится, кто из них самый наилучший.

– Собирайся, – участливо улыбаясь, сказала она, – еще немного, и ты получишь долгожданную помощь.

Все три адреса располагались кучненько в центре Москвы, так что долго разъезжать не пришлось. На улице Ольга осмотрелась по сторонам, скомандовала: «Бежим!» – и припустила к своей иномарке. Ирочка тяжело вздохнула и последовала за ней. В душе теплилась надежда, что еще немного, и все как-то придет в норму – проблемы нервов отойдут на второй план, и можно будет подумать о встрече с Ларионовым. Только от одной мысли о нем по душе разливалось тепло, а на лице появлялась счастливая улыбка. Да, у нее есть шанс, почему бы и нет? Он увидит ее и обязательно полюбит... Эх, скорей бы.

Перед дверью кабинета с табличкой «Уваров Сергей Юрьевич» Оля заметалась.

– Я его боюсь, – прошептала она, цепляясь за рукав вязаной кофты Ирочки. – Я не пойду.

– Ты что... – Ирочка онемела. – Как ты можешь бояться того, кого даже не видела? Не говоря уже о том, что скоро ты без него тоже жить не сможешь, как раньше без своего Самаринского.

– Боюсь, и все! Пойдем отсюда.

Ирочка нахмурилась и покачала головой. Иногда ей казалось, что она старше своей дальней родственницы лет на десять. Улучив минутку, Ирочка резко приоткрыла дверь и впихнула Ольгу в кабинет. Расчет был верный за исключением одного момента – Ольга цепко держала рукав Ирочкиной кофты.

В кабинет они ввалились вдвоем.

– Добрый день, – из-за шкафа вышел высокий мужчина и внимательно оглядел девушек. – Вы на прием?

Ольга, рассмотрев возможного целителя своей души получше, отрицательно замотала головой. Ирочка, не желая отступать, закивала головой утвердительно.

– Понятно, – задумчиво произнес мужчина и представился: – Уваров Сергей Юрьевич. Присаживайтесь, где вам удобно, – он обвел рукой кресла, небольшой диванчик в углу кабинета и странную конструкцию с откидной спинкой, которая напомнила Ольге операционный стол. Она прижалась к Ирочке и еще раз опасно посмотрела на Уварова.

– Мы выйдем на минуточку, – сказала Оля и поволокла Иру в коридор. Не особо задерживаясь около стенда с информацией, потащила ее дальше, к выходу. – Ты его видела? Видела!

– Нормальный вроде... ты чего?

– Нормальный? А ты бы смогла доверить ему свою душу?

Ирочка задумалась. Положа руку на сердце, душу она доверила бы только Андрею Ларионову и больше никому. К Уварову же отнеслась как к возможному спасителю – от Ольги в голове второй день раздавался треск.

– Ну, я ничего в психоаналитиках не понимаю... – буркнула она, чувствуя, что до часа покоя еще далеко.

– Волосы черные, глаза карие, трехдневная небритость, рубашка расстегнута и серьга в ухе! – описала Ольга Уварова. – Да он же бандит с большой дороги, а не врач!

– Тебе, наверное, виднее, – пожала плечами Ирочка, припоминая, кем был муж ее родственницы. – Поехали к следующему.

Следующим оказался Закорякин Эммануил Олегович. Радушно распахнув двери, он выдал приветствие:

– Заходите, сестры мои, и чувствуйте себя в безопасности.

Последнее слово так понравилось Ольге, что повторного приглашения она ждать не стала. Торопливо вошла в кабинет, обклеенный зелеными обоями, и села на край кожаного дивана. Ирочка застряла в дверях: ей-то как раз этот усатый дядечка с хитрыми глазками и увесистым крестом на толстой цепочке не понравился.

– Вы за утешением, сестры мои? – поинтересовался Эммануил Олегович, протягивая Оле коробку с засахаренными, потрескавшимися конфетами.

– Да, – твердо сказала Оля. После короткого обмена любезностями она сразу же перешла к наблевшему: – У меня страхи, – выдохнула она, надеясь на понимание.

– Какого рода страхи? – с видом знатока спросил Закорякин.

– Всякого рода, – вмешалась Ирочка, тяжело вздохнув.

– Вы знаете, у меня тоже, – вдруг переменившись в лице, сказал Эммануил Олегович. – Иногда боюсь даже из дома выходить.

Оля опешила.

– Чего? – спросила она, не скрывая удивления.

– У вас так бывает, что вы боитесь обернуться? – бледнея, спросил Загорякин, – будто за вашей спиной копошатся демоны. Толкаются там, сволочи, и ждут, когда же вы попадетесь им в лапы.

– Воды, – только и смогла вымолвить Оля, открывая и закрывая рот, точно рыба на суше.

Бегство от Эммануила Олеговича было быстрым и энергичным.

Третьим психоаналитиком, выбранным Ирочкой, оказалась тонкая, как спица, женщина с длинными, вьющимися волосами. Она все время поправляла сползающие на нос очки и нервно теребила в руках карандаш. Когда Оля намекнула о своих страхах, карандаш хрустнул и разломился пополам.

– И что, – с интересом спросила «спица», – вам вообще ничего не помогает?

– Ничего, – сокрушенно ответила Оля, с надеждой глядя на возможную спасительницу.

– А валериановые капли пробовали?

– Пробовала.

– А снотворное?

– Пробовала.

– А водку?

– Нет, – мотнула головой Оля.

– Ну так идите домой и попробуйте.

На улице было свежо и солнечно, это благотворно сказалось на упадническом состоянии Ольги. Лицо порозовело, а глаза перестали суетливо бегать из стороны в сторону. Привалившись к фонарному столбу, она серьезно посмотрела

на Ирочку и сказала:

- Теперь-то ты понимаешь, что значит потерять личного психоаналитика?

- Ага, - кивнула Ирочка, - ты была права - это настоящее горе. Давай завтра сходим к самому первому, к Уварову. Подумаешь, серьга в ухе, зато он хоть на психа не похож.

* * *

Будильник крикнул и тут же получил тяжелый удар по крышке - Сергей Юрьевич Уваров не желал просыпаться в такую рань. Еще немного, еще хотя бы десять минут, а уж потом напрямиком на кухню к бодрящей чашке кофе.

- Зайчонок, я еще поваляюсь немного, - раздался сонный голос, и Сергей покосился на соседнюю подушку.

Марина. Понятно... И опять это дурацкое прозвище «зайчонок».

Уваров нахмурился - и как так получается последнее время, что она остается у него ночевать? Подобное не в его правилах, да и нельзя сказать, что Марина занимает слишком уж большое место в его душе. Н-да, пора призадуматься... Неделю назад она притащила свою зубную щетку, и, кажется, в шкафу появились вешалки с ее одеждой, а на полке на кухне - земляничный чай и сахарозаменитель. Похоже, он проворонил тот важный момент, когда стоило немного отдалиться и намекнуть на любовь к свободе. Сергей еще раз покосился в сторону Марины и откинул одеяло. Ладно, пусть пока будет так - с ней комфортно, она не слишком требовательна, не слишком ревнива и жарит хорошие блинчики. Время покажет.

Первый глоток кофе взбодрил его и нацелил на начало рабочего дня.

Сергей Уваров никогда не думал, что будет с утра до вечера выслушивать слезливые жалобы нервных дамочек или разруливать психозы уставших от жизни пессимистов, но на данном этапе подработка психоаналитиком была очень даже кстати. Полгода назад лучший друг перебрался в Санкт-Петербург, оставив Сергею небольшую картотеку с клиентами и просторный кабинет в

центре Москвы. Уваров, рассудив, что лишние деньги не помешают, да и для диссертации плюс, свел к минимуму преподавательскую работу в университете и взялся разгрести завалы в душах ближних. Соответствующее образование и советы друга сделали свое дело – уже через пару месяцев Сергей привык к работе и даже приобрел новых пациентов. Жизнь шла своим чередом, никаких кочек на пути не возникало. Пожалуй, единственным беспокойством, случившимся за последние полгода, стало только активное внедрение Мариночки в его квартиру. Но зачем расстраиваться, с этим можно разобраться и потом.

К девяти часам Сергей на работу опаздывал, что его не слишком беспокоило, желающих поделиться наболевшим в такую рань не было – никто не записался на прием. Поднявшись на третий этаж здания, забитого всевозможными маленькими фирмами, он направился к своему кабинету. В мягких креслах, рядом с дверью, на которой отливала золотом надпись «Уваров Сергей Юрьевич», сидели две девушки. Кажется, он где-то их видел... Ах да – приходили вчера.

– Доброе утро, – кивнул Сергей, гремя ключами.

– Доброе, – улыбнулась Ирочка. – А мы вот вчера были... да потом вышли на минуточку...

– С возвращением, – в ответ улыбнулся Сергей, гадая, кому из этих двоих нужна экстренная психологическая помощь.

– Поговорите с ней, пожалуйста, – точно читая его мысли, попросила Ирочка. Ткнула пальцем в Ольгу и изобразила на лице мольбу.

– Проходите, – гостеприимно распахивая дверь, пригласил Сергей.

– Она со мной, – Ольга вцепилась в Ирочку и потянула ее в кабинет, – я вас не знаю... мало ли что.

Усмехнувшись, Уваров последовал за девушками. Похоже, работа предстояла фундаментальная.

– Поливанова Ольга Дмитриевна, – представилась Оля, размышляя, сесть ли на диван или забраться на странное сооружение, напоминавшее операционный стол. Остановив выбор на диване, она кивнула на Ирочку и отрапортовала: – Моя подруга – Зайцева Ирина Ивановна, временно выполняет обязанности моего психоаналитика. Она вам и расскажет историю болезни.

Ирочка, которая надеялась побыть в покое хотя бы час, икнула, всхлипнула и закашляла.

– У нее страхи, – начала она тараторить уже заученный текст, – боится абсолютно всего. Помогите, пожалуйста, вся надежда только на вас.

– Обязательно помогу, – мягко улыбнулся Сергей, делая пометки в блокноте. «Отправить бы ее в деревню картофельное поле перекапывать», – пронеслось в голове.

Через полчаса Уваров уже понимал – одним картофельным полем тут не отделаешься. Ольга не просто забила голову размножавшимися со скоростью звука бреднями, она еще и получала удовольствие от своего нездорового состояния. Так было проще давить на жалость, списывать на невроты неудачи и прятаться от нормальной жизни, где надо принимать решения, бороться и совершать каждый день маленькие подвиги. Ольгу устраивало то место под солнцем, которое она заняла, а значит, достучаться до нее будет сложно. А надо ли? Сергей оторвал глаза от блокнота и посмотрел на Поливанову. Вздохнул и покачал головой. Надо не надо – пойдешь разбери, но придется, это уж точно.

Ольга немного приободрилась. Почувствовала себя в родной стихии и теперь даже жалела, что не взобралась на «операционный стол»: наверное, оттуда вещать о своих проблемах было бы намного лучше – трагичнее. Сergyа в ухе Уварова перестала ее раздражать, небритость тоже – это все пустяки. Главное, теперь у нее есть психоаналитик, которого можно изводить с утра до ночи.

– Вы не сказали свой домашний телефон, – упрекнула Ольга и полезла в сумочку за ручкой.

– А зачем он вам? – поинтересовался Сергей и на всякий случай покосился на Ирочку. Та стояла, почти не дыша, боясь до смерти, что Уваров откажется от Ольги и ад вернется в ее жизнь.

– Как зачем? – дернула Ольга плечом. – Вдруг мне ночью понадобится консультация.

– Ночью я обычно сплю.

– Так было раньше, – развела руками жертва, замученная страхами, – теперь у вас начнется новая жизнь.

Ирочка зажмурилась, но все обошлось. Вздохнув, Уваров продиктовал номер своего телефона и спросил:

– А ваш предыдущий психоаналитик, он, вообще... жив?

У Сергея эта шутка вылетела автоматически, ясно же, как белый день, что Ольга может замучить до гробовой доски кого угодно. Но то, что он услышал в ответ, его изрядно удивило.

– Очень даже мертв, – выпалила Ольга, – и это, кстати, меня тоже беспокоит.

– Как мертв?.. А зачем же вы его... – договорить Уваров не успел, так как наткнулся на предупредительный Ирочкин взгляд. Шутить больше не стоило, хотя Сергей вроде уже и не шутил...

– Пристрелили его, – важно ответила Оля. – Темное дело. Следователь сбился с ног, и пока нет никаких улик и подозреваемых.

– А вашим психоаналитиком был случайно не Самаринский Илья Петрович? – спросил Сергей, переводя взгляд с одной девушки на другую.

– Да, он! – воскликнула Ольга. – А вы его знали?! О! Это судьба! Значит, вы точно должны стать моим психоаналитиком. Причем пожизненно.

Последняя фраза Сергею не понравилась, но он решил пока не заострять на ней внимания. С Самаринским он был знаком, и случившаяся трагедия не оставила его равнодушным.

– Мы с ним вместе диссертацию писали, – сообщил Уваров, отправляя ручку в черный стаканчик подставки, – вернее, он свою, а я свою. Трудились над смежными темами и довольно часто пересекались.

– А вы не знаете, кто его убил? – с надеждой в голосе спросила Ирочка. Вдруг повезет, и уже скоро следователь окончательно поймет, что Ольга не имеет к этому преступлению никакого отношения.

– Нет, – мотнул головой Сергей. – Возможно, он узнал чью-то тайну... Люди приходят со своими откровениями, чтобы облегчить душу, а потом понимают, что сболтнули лишнее... Вообще-то предполагать можно всякое, будем надеяться, что правда скоро всплывет на поверхность.

– Правильно, – подскочив с дивана, заметалась Оля, – зло должно быть наказано! Каждому преступнику по камере, каждому следователю по медали!

Ира усадила ее на место и сама устроилась рядом.

– Мы после вас пойдем к следователю. Позвонили и попросили явиться, хотят у Ольги отпечатки пальцев взять...

– Хорошо, что не целиком пальцы, – всхлипнула Ольга. – Мне не жалко, просто это оскорбительно. Не думают же они, что я убила собственного психоаналитика, единственного человека на земле, который слушал меня часами... Абсурд!

– Абсурд, – согласился Уваров. – Хотя такие случаи бывали.

Оле подобное недоверие не понравилось, но спорить она не стала. Считая первое знакомство полностью состоявшимся, она распрощалась с Сергеем, заявила, что придет завтра, и потащила Ирочку в коридор.

– Наша встреча с ним – это судьба, – заявила она, вышагивая к выходу. – Теперь я спокойна за свое душевное состояние.

– Я за свое тоже, – тихо ответила Ирочка, надеясь, что больше ни про каких мутантов ей слушать не придется.

Глава 5

В случае опасности кричите: «Караул!»

P.S...или еще какие-нибудь слова, которые привлекут внимание окружающих

Следующий день как-то сразу не задался.

– А объясните-ка мне, Ольга Дмитриевна, как отпечатки ваших пальчиков оказались на подлокотнике кресла Самаринского? – спросил Васечкин, хитро прищуривая правый глаз.

Ольга почувствовала головокружение и озноб. К горлу подступил тугий ком, а коленки задрожали. Надо же что-то ответить, и желательно, чтобы объяснения были правдоподобными...

Утром ей позвонил следователь и попросил зайти на короткий разговор. Вот она и зашла... Вчера почти добровольно поделилась с правоохранительными органами отпечатками пальцев, а уже сегодня эксперты положили на стол Васечкина отчет. Быстро работают, чтоб им пусто было! Оля вздернула нос и окатила Бориса Яковлевича равнодушным взглядом. Этот маневр, говоривший о ее чистой совести, они с Ирочкой вчера репетировали целый вечер.

– А что здесь удивительного? – приподняла она брови. – Илья Петрович был моим психоаналитиком, и я часто приходила к нему на прием.

Ольга подумала, что Ирочка могла бы сейчас ею гордиться.

– Это все верно, – улыбнулся до ушей Васечкин, – но вы же не хотите сказать, что частенько присаживались в его кресло?

– Не часто, но присаживалась, – кивнула Оля, полагая, что особо отпираться не стоит. Отпечатки действительно должны были присутствовать на краю подлокотника, она же развернула тогда кресло и увидела мертвого Самаринского... Главное, не попасть в ловушку, уж их-то ставить Васечкин

наверняка мастак.

– А зачем же вы это делали? – Борис Яковлевич подался вперед и съежился от напряжения.

– Не хотела вам говорить... – замялась Ольга, – как-то неудобно было... Понимаете, помимо всех душевных проблем и болезней, о которых я вам поведала при нашей первой встрече, у меня еще и мания величия... – Она тяжело вздохнула, демонстрируя, какое же непростое бремя свалилось на ее хрупкие плечи. – Иногда Илья Петрович позволял посидеть в его кресле. Ну, как будто я дипломированный психоаналитик, а он так... мимо пробежал. Знаете, мне это очень помогало!

– Охотно верю, – буркнул Васечкин и откинулся назад. – Но хочу вас немного расстроить. Характер оставленных отпечатков таков, что вы не могли их оставить ранее, сидя в кресле, для этого вам пришлось бы вывернуть себе руку.

– Понимаете, у меня не совсем обычная мания величия... – медленно принялась врать Ольга. – Мне нравится одновременно властвовать и страдать...

– Достаточно, – резко перебил Борис Яковлевич, боясь, что подозреваемая выплеснет на него все интимные стороны своей жизни или того хуже – впадет в одну из своих многочисленных депрессий. – Что ж, ваши объяснения я принял и в случае необходимости приглашу опять.

Путь до машины Оля преодолела вприпрыжку за считанные минуты. Села за руль, повернулась к Ирочке и заголосила:

– Он знает, он все знает! Это кошмар!

Ирочка, закалившая за последние несколько дней свою нервную систему до состояния нерушимости, лишь опустила плечи и выдала единственное слово – «выкладывай».

– Я оставила отпечатки пальцев на подлокотнике кресла. Ну не дура ли я?

– Дура.

- Он спрашивал, как они там оказались. Я прикинулась шлангом...

- Кем?

- Шлангом. Мол, ничего не знаю, я была самой трудной пациенткой Самаринского, и он мне все позволял. Наплела про манию величия и смоталась.

- Молодец. Грамотно, - вздохнула Ирочка.

- Ты бы видела, как хитренько бегали его глазки! Как он щурился и бесконечно меня подозревал! Что теперь делать?! Я запуталась. Не хочу в тюрьму!

- Не паникуй, - сказала Ирочка. - Прямых улик против тебя нет, а все остальное вилами на воде писано. Я целую кучу детективных сериалов просмотрела, так что разбираюсь. Если ты доведешь себя до очередного психоза, то Васечкин вытрясет из тебя все, что надо и что не надо. Тогда-то уж точно придется сухари сушить - раз сразу не призналась, то потом всех дохляков на тебя повесят.

Оля, вцепившись в руль, заныла:

- Мне нужно срочно к Уварову. Он должен меня успокоить!

- Нет, - сказала Ирочка, - мы сейчас поедem к театру, в котором работает Ларионов...

- Это еще зачем? - изумилась Ольга. Собственные проблемы казались ей куда более важными, чем вымышленная любовь дальней родственницы.

Ирочка смутилась. Поцарапала ногтем замочек бардачка, слегка покраснела, перевела взгляд к окошку и тихо пробормотала:

- Ты же обещала мне помочь... вот и помогай... Время-то идет... Я очень хочу его увидеть, ну хоть одним глазком... пожалуйста...

- Чокнутая, - хватаясь за голову, сказала Оля.

– От такой же слышу! – разозлилась Ирочка. – Я таскаюсь по Москве куда только захочешь, нянчусь с тобой, готовлю завтрак, обед и ужин, а ты не можешь даже сдержать своего слова!

– Просто сейчас не самое подходящее время, – почувствовав возрастающую вину, сказала Ольга. – Дай с убийством разобраться, а уж потом...

– Нет, нет и нет! Это может продлиться месяцы, а у меня нет столько времени. Или ты помогаешь, как обещала, или пусть Уваров и Васечкин живут с тобой вместо меня.

– Хорошо, хорошо, – замахала руками Ольга. – Поедем сейчас в театр, узнаем расписание спектаклей и устроим тебе очную ставку... То есть не очную ставку, а романтическое свидание.

Ирочка повеселела, вновь покрылась румянцем смущения и затеребила край юбки. Она его увидит... может быть, даже сегодня! Вот это да!

К культмассовому походу в театр Ирочка готовилась очень тщательно (билеты уже куплены, так что скоро мечта осуществится). Два раза вымыла голову, два раза высушила ее феном и, используя полбутылки мусса, соорудила из волос нечто такое, что Ольга вновь вспомнила о мутантах и попросила валокордина. Пришлось мыть голову в третий раз.

Одежда подбиралась скрупулезно. Изучив собственную сумку и рюкзак, Ирочка чуть сама не впала в депрессию – вязаные кофты с вытянутыми рукавами и юбки пыльных годов никуда не годились. Кинув на родственницу умоляющий взгляд, она легко выклянчила расклешенные брючки и тонкий голубой свитер с воротником-лодочкой.

– Как же я хороша, – выдохнула Ирочка, любясь отражением в зеркале.

– Ага, – кивнула Ольга, – вот только брюки надо укоротить на десять сантиметров и вытачки на боках распороть. А свитер лучше распустить, добавить еще моток ниток и связать заново.

Н-да... Правда такова, что Ирочка была ниже Ольги, да и весила явно побольше.

– Ерунда, – отмахнулась «невеста» Ларионова, – брюки я сейчас подошью, а если свитер удастся натянуть на подушку, то потом он на мне будет даже болтаться.

Оля, сморщив носик, распрощалась со своими вещами.

Около театра Ирочка вся извелась. Купила букет бордовых роз и металась около колонн, не веря своему счастью – скоро она увидит живого Ларионова, какая радость!

– Да пойдем уже! – надавила Оля, оттаскивая Ирочку от огромного плаката, на котором был изображен ее возлюбленный.

– После спектакля сразу отправимся к запасному выходу, будем ждать, когда он переоденется и пойдет домой, – решительно заявила та, нервно шурша оберткой букета.

Оля, представив, какой позор ждет ее (за актерами бегать не приходилось) и какое разочарование Ирочку (пошлет ее Ларионов, как пить дать пошлет), закатила глаза и покорно кивнула.

Два акта спектакля пролетели почти мгновенно. Ирочка охала, непрерывно хватала Олю то за руку, то за коленку, а под конец даже прослезилась.

– Как он играл, как он играл, – теребя носовой платок, сказала Ирочка.

– Вполне, – коротко оценила Ольга.

Как только кумир вышел на поклон, Ирочка сорвалась с места. Уронила на пол сумку, из которой посыпались ключи, косметика и многое другое, и, не обращая внимания на устроенный беспорядок, рванула с цветами к сцене. Ольге ничего не оставалось, как, согнувшись в три погибели, ворчать: «Совсем девка чокнулась, завтра ее к Уварову отведу», – собирать мелочь и пихать обратно в сумку.

Вернулась Ирочка с округлившимися от восторга глазами и растянутой до ушей блаженной улыбкой.

– Идем скорее, – потянула она Ольгу к выходу. – Мы его упустим.

Подхватив пожитки, и продолжая ругаться и ворчать, Ольга поплелась вслед за ней. Скорее всего, уже через полчаса придется смахивать слезы разочарования с Ирочкиных щек – в лучшем случае Ларионов ее просто проигнорирует, в худшем... Не надо о грустном!

Около массивной двери театра колыхалась редкая горстка поклонниц. Надо сказать, что их количество возросло в геометрической прогрессии – уже через десять минут пестрая толпа оттеснила Ольгу к стене, а Ирочке, чтобы пробиться в первые ряды, пришлось вспомнить уроки физкультуры и изрядно поработать локтями. Вскоре появились два охранника. До встречи с кумиром оставались считанные минуты.

– Он такой красивый, – пищала рыженькая пигалица, наступая Ольге на ногу, – я практически падаю в обморок, когда его вижу.

– А мне Андрюшенька автограф две недели назад дал, я его в рамку и на стену, – хвасталась пухлая блондинка, важно поглядывая на «сестер по любви».

Наслушавшись сполна трепетной чепухи, Оля сделала несколько шагов в сторону – Ирочка разберется и без нее, а если что, то она здесь, рядом. С носовым платком и успокоительными каплями.

Яркие фонари освещали часть улицы, позволяя Ольге наблюдать за перевозбужденной родственницей. Ирочка толкалась, борясь за наилучшее место и держа в вытянутой руке блокнот, по всей видимости, надеялась... начать знакомство с автографом. Как уж она собиралась влюбить в себя Ларионова, Оле было непонятно, то ли просто рассчитывала на чудо, то ли заготовила убойную пламенную речь.

Дверь через некоторое время распахнулась, и раздался восторженный душераздирающий визг. В воздух взметнулись фотоаппараты и мобильники.

– Наконец-то, – буркнула Оля и провела рукой по гладкой стене театра. Придя к выводу, что пиджак не испачкается, она прислонилась к прохладной штукатурке и стала наблюдать за Ларионовым, вяло отбивавшимся от поклонниц. Ольге кумир показался уставшим и отстраненным. – Запудрил девкам мозги и, поди,

доволен, – фыркнула она, опуская глаза на перепачканные бархатные туфли. – Все ноги оттоптали, дуры, – разозлилась Ольга и наклонилась, чтобы хоть как-то смахнуть дорожную пыль...

Еле уловимый свист и полетевшая вниз штукатурка заставили ее съежиться и три раза подряд вздрогнуть от страха. Медленно поднявшись, она посмотрела на стену, к которой еще несколько секунд назад прижималась спиной... Теперь на гладкой поверхности виднелись два серых пятна. Два следа от пуль. В этом Ольга не сомневалась. Почувствовав, как немеет язык, она сделала несколько хаотичных движений руками, шагнула назад, затем рухнула на асфальт и заорала, что было сил: «Караул!!!»

Девицы, занятые Ларионовым, не обратили на крики никакого внимания, охранники тоже – они суетились вокруг актера, ограждая его от нетерпеливых поклонниц.

Ольга стала прощаться с жизнью. Вот сейчас, сейчас еще один выстрел, и она умрет. Пуля пробьет дырку в виске и застрянет в ее весьма извилистых мозгах. Через пятьсот лет ее останки найдут какие-нибудь археологи и будут долго думать, почему же еще, в общем-то, молодая женщина умерла насильственной смертью...

– Караул! – заорала повторно Ольга. Очень уж не хотелось оказаться под пытливыми взглядами археологов. – Помогите!

Получив очередную порцию равнодушия, она отредактировала рвущиеся из груди слова.

– Покушение! Покушение на народного артиста России!!! – завопила Ольга, четко выделяя каждое слово. Являлся ли Ларионов столь титулованной персоной или нет, она не знала, но так получалось ярче и трагичнее.

На этот раз ситуация изменилась коренным образом. Девицы перестали пихаться и точно по команде обернулись в сторону Ольги. Она, чувствуя, что спасение близко, оторвала голову от шершавого асфальта, приподнялась на четвереньки и преодолела три метра, отделявшие ее от толпы, бодрым галопом. Охранники засуетились, прикрыли собой Ларионова, который мало понимал, что происходит, и затараторили в мобильники.

Ольга, чтобы уж спастись наверняка, вскочила на ноги, протиснулась поближе к ошарашенной Ирочке и, тыкая пальцем по направлению к подпорченной пулями стене, еще раз огласила:

- Стреляли в Андрея Ларионова! Не дадим погубить талант! Закроем артиста своими телами!

Девушки бросились врассыпную, охранники к стене. Оглядевшись, Ольга поняла, что они с Ирочкой действительно закрывают Ларионова своими телами – эта правда жизни ей не понравилась.

- Какого черта, – раздался сзади недовольный голос Андрея.

- Бежим, – Ольга схватила Ирочку за руку и потащила ее в сторону темного переулочка.

* * *

Оля закрыла окно, задернула шторы и переключилась на дверь. Три замка лязгнули почти одновременно, но этого показалось мало.

- Берись за угол шкафа, тащи его сюда, – скомандовала она, пристраиваясь плечом к полированному боку зеркального гиганта.

- Ты что... Зачем... – следя за судорожными движениями Ольги, пролепетала Ирочка.

- Как это зачем! Пришла беда – закрывай ворота! Надо замуровать квартиру, так он нас не достанет.

- Кто?

- Убийца! Чтоб ему умереть в самое ближайшее время и протухнуть в течение недели!

Ирочка с сомнением посмотрела на шкаф и покачала головой – даже наклонить его было нереально.

До дома они добрались в два раза быстрее, чем до театра. Ольга так гнала машину, что стрелка на спидометре сжалась от страха, а в глазах рябило от мелькавших картинок за окном. Ольга стонала и непрерывно щупала себя в тех местах, до которых дотягивалась рука, – ей казалось, что одна из пуль все же попала в нее, и если бы не шок, то боль наверняка разорвала бы тело на части. Ирочка толком понять ничего не могла, первую часть пути она дулась, что ее оторвали от Ларионова, а вторую – требовала, чтобы Ольга отправилась к психоаналитику прямо в семь часов утра.

– Скотч, гвозди и молоток! – выкрикнула Ольга, теряя к шкафу интерес. – Будем забивать дверь. Потом для подстраховки еще и обклеим ее.

– Да с чего ты взяла, что тебя хотят убить?

– Стреляли же.

– Так ты это не выдумала?

– Я что, похожа на ненормальную?

– Да, – тяжело вздохнула Ирочка.

– Меня чуть не убили, а ты еще и оскорбляешь, – Ольга свела брови на переносице и придвинула к двери кресло – так ей казалось надежнее.

– Я запуталась, ты же сказала, что стреляли в Ларионова...

– Да кому он нужен!

– То есть как? – вспыхнула Ирочка. – Мне!

– Не нервируй и не отвлекай! – топнула Ольга ногой. – Стреляли в меня, понимаешь – в меня. Если бы я не наклонилась, то давно бы не была в живых!

Она пустилась в подробные объяснения: как наклонилась протереть туфли, как смертоносные килограммовые пули пронесли над головой, как вспомнила детство, как увидела огромные куски бетона, отваливающиеся от стены, как упала на асфальт, сломав при этом около десяти ребер, и как жизненно важные органы постепенно один за другим отказывались выполнять свои прямые обязанности.

– ...я уже видела лицо смерти, – трагично закончила Ольга, все же пихая шкаф бедром. – Вот ведь зараза, даже не шелохнется, – задумчиво добавила она, недовольно морщась.

– Так зачем же ты кричала, что убивают Ларионова? Может, у него теперь душевная травма! А давай поедem сейчас к нему и все объясним... – Ирочка с надеждой посмотрела на Ольгу.

– Ты чего говоришь такое, – покрутила та пальцем у виска. – Он здоровый мужик, на котором пахать можно. Ничего страшного с ним не случится. Я, конечно, уважаю твои чувства к нему, но... Думаю, он как-нибудь утешится.

– Ты что хочешь этим сказать? – Ирочка с ревностью поджала губы.

– Вокруг него табуны девиц ходят, найдет с кем отвлечься, – выпалила Ольга и тут же пожалела об этом. Ирочка развернулась и бросилась в комнату, хлопнула дверь и щелкнула замочком.

Пять минут в квартире царила абсолютная тишина. Ольга стояла посреди коридора и размышляла, что ей делать. Вариантов было превеликое множество. Забиться в угол и ждать, пока придет убийца. Позвонить Уварову, и пусть разгребает ее очередной психоз по телефону. Напиться снотворного и подумать обо всем дня так через три, когда закончатся таблетки. Позвонить Васечкину и потребовать привести в действие операцию по защите свидетеля... Или помириться с Ирочкой. Последний пункт нравился все больше и больше – Оля и сама не заметила, как привязалась к дальней родственнице. Ну маленькая еще, влюбилась в актера, ну и что – каждый чокнут по-своему. А уж если начать перечислять все собственные отклонения от нормы, то одного вечера не хватит.

– И-и-ир, – протянула Оля, прижавшись к двери комнаты. – Ты чего там делаешь-то? Может, тебе воды принести?

Тишина.

– Ирочка, ну я же не со зла... Актеры эти, певцы, они такие... – Оля на миг задумалась, как бы не сболтнуть лишнего, – такие импульсивные, многогранные и... очень хорошие. Ир, ну давай уже выходи, а то у меня ноги немеют. И руки тоже.

Тишина.

– Ну, прости меня. Я же не хотела... ну это... Даю тебе честное слово – он тебя полюбит. Все сделаю, чтобы он тебя полюбил. Уже завтра придумаю, как все так организовать, чтобы он от тебя ни на шаг не отходил. Обещаю.

Дверь сразу открылась. Ирочка стояла на пороге почти счастливая, и только красные глаза выдавали недавние переживания.

– Я его очень люблю, понимаешь? И вовсе не потому, что он актер, а потому что он... Не знаю, как объяснить.

– Я понимаю, – торопливо сказала Оля, проскальзывая в комнату. – Я бы и сама кого-нибудь полюбила, да только боюсь. По статистике, большинство мужчин – бытовые насильники, маньяки и...

– Оля, – устало вздохнула Ирочка, – да плюнь ты на это все. Просто живи.

– Ага, сейчас! Тогда меня завтра точно пристрелят. Ты смерти моей хочешь, что ли?

– Да кто тебя пристрелит, ну что ты придумываешь.

– Меня сегодня чуть не убили, – Ольга заметалась по комнате, – а ты не веришь! Как же я вляпалась в эту историю?!

– Ну хорошо, – сдалась Ирочка, – допустим, убийца твоего бывшего психоаналитика решил с тобой расправиться, но зачем ему это делать? Зачем так рисковать?

- А потому что я свидетель, я же тебе говорила!

- Никакой ты не свидетель, - присаживаясь на диван, сказала Ирочка, - ты же ничего не видела.

- Может, он об этом не знает.

- Глупости, слишком это все натянуто. Вот если бы ты застала его с пистолетом в руках или нашла бы в кабинете Самаринского какую-нибудь вещь, указывающую на убийцу, тогда другое дело, а так... - Ирочка подняла глаза на Ольгу и осеклась. Та стояла бледная и, кажется, готовилась упасть в обморок.

- Какую-нибудь вещь... - пробормотала Ольга и медленно, точно во сне, направилась в коридор. - Какую-нибудь вещь...

Ирочка проследила, как сестра залезла в сумку, что-то там поискала и вытащила руку обратно.

- Вот, - сказала Ольга, протягивая вперед сжатый кулак.

- Не поняла, - замотала головой Ирочка.

- Я нашла это тогда... ну когда видела мертвого Илью Петровича... я упала, а это на ковре лежало, с краю... Все как-то закрутилось, а потом забылось... вернее, забылось сразу... Это что... его?

Ирочка смотрела на сжатый кулак и нервно покусывала нижнюю губу.

- Показывай, - кивнула она, приготовившись увидеть что-нибудь ужасное.

- Не могу, - выдавила из себя Ольга.

- Почему.

- Пальцы не слушаются.

– Разожми их.

– Не получается.

Ирочка взялась помогать Ольге. Схватила ее кулак и стала отгибать пальцы, но они, точно примороженные, не поддавались.

– Это конец, – выдохнула Оля, – у меня, наверное, случился инфаркт, и я уже костенею.

– Сейчас мы сунем твою руку под ледяную воду, и все пройдет, – успокоила Ирочка и стала подталкивать родственницу к ванной.

Ледяная вода помогла практически сразу. Пальцы разжались, и в раковину упал золотой брелок: кольцо для ключей и цепочка с блестящим кружком размером с пятирублевую монету.

– Это что? – прошептала Ирочка, боясь прикоснуться к сверкающей в каплях воды красивой вещице.

– Брелок вроде, – прошептала в ответ Ольга. – Золотой. Я его тогда схватила – и в сумку...

Ирочка протянула руку и, затаив дыхание, взяла брелок. Внимательно его изучила и сказала:

– Тут буква Я на кружочке.

– Наверное, вещица принадлежала человеку, имя которого начинается на эту букву, – предположила Оля и вцепилась в край раковины. – Значит, убийца забыл брелок, а я, дура, его нашла. Да что же я за ворона такая – хватаю все, что блестит!

– Может, отнести брелок следователю?

– Тогда придется во всем признаваться, а вдруг брелок окажется любимой безделушкой Самаринского, и мне тогда уже припишут срок и за убийство, и за

вранье.

– Вряд ли он принадлежал Илье Петровичу, – выключая воду, сказала Ирочка, – у него в инициалах буквы Я нет.

– Да мало ли что она обозначает, – всхлипнула Оля. – А если это все же улика? Убийца вернулся за брелком, увидел меня... и вот теперь не успокоится, пока не отправит пулю в мое сердце... Так... Надо срочно эвакуироваться отсюда!

Оля ринулась в комнату. В большую дорожную сумку полетели одежда, фен, косметика, плюшевый медвежонок, градусник, упаковка снотворного, медицинская энциклопедия в двух томах и еще приличная куча весьма необходимых вещей.

– Ты куда собралась? – изумленно спросила Ирочка, застыв рядом с дверным косяком.

– Собирайся, – скомандовала Ольга. – Здесь жить больше нельзя – опасно. Бери самое необходимое, за остальным вернемся как-нибудь ночью. Убийца не успокоится, пока меня не прибьет. Так что пока Васечкин будет его искать, нам лучше отсидеться в надежном месте.

– А надежное место, это где? – поинтересовалась Ирочка, вернувшись в комнату спустя минуту с пока еще пустым рюкзаком.

Оля задумалась. В гостиницу нельзя, даже если заплатить за то, чтобы их не регистрировали, – все равно как-то ненадежно. Убийца тоже может оказаться состоятельным товарищем и при желании (а оно у него точно есть) все равно до них доберется. Уехать в другой город? Невозможно. Следователь Васечкин настроен уж слишком подозрительно, и ее исчезновение обязательно приравняет к бегству, и тогда небо в клеточку обеспечено. Где скрыться, куда податься?

– Так где мы будем жить? – повторно поинтересовалась Ирочка, запихивая в рюкзак байковую клетчатую пижаму.

– Мы теперь будем жить у Сергея Юрьевича Уварова, – выдала Оля и сама восхитилась такой прекрасной идее.

– Что??? – Ирочкины брови стрелами взметнулись чуть ли не к потолку. – А он об этом знает?

– Нет, но, уверена, будет рад.

Глава 6

Если ваш психоаналитик отказывается пустить вас на свою жилплощадь – не расстраивайтесь. Никуда он не денется...

Марина стояла у окна, демонстрируя всем своим видом абсолютное недовольство. Как это он не хочет жениться?! Неужели все ее старания и уловки оказались напрасными? Нет, так дело не пойдет – она уже присмотрела свадебное платье, да и подружкам напела о скорой свадьбе. Где же она промахнулась? Зубная щетка? Слишком рано? А может быть, его насторожили вязаные тапочки с кисточками? Надо было купить себе что-нибудь менее одомашненное и более сексуальное... Есть ведь тапочки на шпильке, со стразами... или это уже не тапочки?

– Почему ты относишься ко мне несерьезно? – вздернув остренький носик, спросила Марина. – Я же люблю тебя.

Уваров сжал зубы и напрягся. Вот так всегда – «я же люблю тебя...» значит: срочно дари сначала кольцо с бриллиантом, а потом и обручальное. А если он не любит, тогда как? Кому вообще интересно, что творится у него на душе? И почему каждый раз, когда он начинает отношения с какой-нибудь девушкой, у него появляется ощущение, будто жизнь скачет по пунктам чужого плана? А хочется, чтобы все летело кувырком, непредсказуемо, с бурей чувств и событий. Ну или хотя бы просто без давления.

– Я к тебе очень хорошо отношусь, – медленно начал Сергей, чувствуя, как нужные слова тонут в желании побыстрее закончить разговор. – Но готовности

жить вместе у меня пока нет. Речи о браке вообще быть не может. – Коряво, конечно, но, с другой стороны, ответил неплохо, вроде и не слишком обидел, и расставил все по своим местам. Сергей подошел к Марине и добавил: – Давай не будем торопиться.

– Хорошо, – она выдавила из себя улыбку и сказала уже беззаботным тоном: – Ты, бесспорно, прав, дорогой, всему свое время. Пожалуй, я сегодня поеду домой. Надеюсь, ты будешь по мне скучать.

Марина вытащила из шкафа сумку, в которой постепенно перетаскивала в квартиру Сергея свои вещи, и убрала в нее слишком уж объемный свитер и вязаные тапочки – это надо заменить на что-нибудь более стильное и оригинальное. Ничего, сейчас она немного отступит, он расслабится, а потом... Никуда не денется!

Закрыв дверь за Мариной, Уваров вздохнул с облегчением. Все же к холостяцкой жизни привыкаешь, а когда к женщине особых чувств нет, то частенько хочется от нее отдохнуть. Тяжело было заводить этот разговор, но все же он поступил правильно – ни к чему давать пустые надежды и растягивать то, что по идее давно пора закончить.

Чувствуя некоторый душевный подъем, Сергей бросил на сковороду две свиные отбивные и достал из шкафа бутылку отличного вина. Сейчас он устроит себе почти праздничный ужин и...

Дверной звонок оторвал его от приятных размышлений. Отложив штопор, Сергей направился в коридор. Неужели Марина вернулась? Нет, это уже слишком.

На пороге стояли Поливанова Ольга и Зайцева Ира. Худшего случиться не могло.

– Какими судьбами? – спросил Сергей, подозревая, что впереди его ждет нечто длительное и кошмарное. И зачем он только дал им свой домашний телефон – вычислили квартиру без особых проблем.

– В гости, – четко ответила Ольга и попыталась протиснуться в коридор.

– Ольга Дмитриевна, – вкрадчиво сказал Сергей, – если вам необходимо со мной поговорить, то жду вас завтра в кабинете. Это моя квартира, и здесь я пациентов не принимаю.

– Из любого правила есть исключения, – торопливо ответила Оля, настойчиво просовывая ногу за порог. Уваров стоял стеной.

– У вас что-то горит, – поморщилась Ирочка, прижимая к груди рюкзак.

Только сейчас до Сергея дошло, что девушки явились к нему не с пустыми руками, а... с сумками и рюкзаком. Думать о том, что все это значит, он не мог – две наивкуснейшие свиные отбивные действительно подгорали на сковороде. Сергей бросился на кухню, а девушки не только спокойно вошли в квартиру, но и плотно закрыли за собой дверь. Сложили вещи в углу, скинули обувь и последовали за Уваровым. Пахло вкусно, так что, по всей видимости, им удастся неплохо поужинать.

Сергей некоторое время находился в замешательстве. Он промолчал, когда одна отбивная отправилась на тарелку Ольги, а вторая на тарелку Ирочки, но всему есть предел, и, когда девушки покосились на бутылку вина, Уваров решил разобраться в ситуации.

– Что у вас случилось? – спросил он, надеясь отвертеться простым психоанализом и наконец-то остаться в одиночестве.

– Нам негде жить, – охотно ответила Оля, протягивая руку к пакету с кетчупом. – Я думаю, нет ничего страшного в том, что пока мы погостим у вас.

Она это... серьезно? Сергей взял штопор, открыл бутылку, плеснул вина в бокал и выпил его почти залпом.

– Нет, жить вы здесь не будете, – категорично ответил он. – Я помогу вам устроиться в гостиницу.

– Мы ненадолго, – вмешалась Ирочка, рассчитывая на снисхождение. Состояние Уварова она понимала прекрасно, но выхода не было.

– Это даже не обсуждается, – строго сказал Сергей. – Я рад, что вам понравились отбивные, и завтра, Ольга Дмитриевна, жду вас у себя в кабинете, но сейчас, пожалуйста, освободите мою квартиру.

Сергей почувствовал, как начинает злиться. Да, он психоаналитик, да, одна из девушек – его пациентка, но нельзя же садиться на шею, устраивать бесцеремонный балаган и думать только о себе. Не говоря уже о том, что вся эта ситуация, мягко говоря, неэтична.

– Неужели вы выставите нас на улицу? – изумилась Оля. – Вы хоть представляете, что творится за дверью вашей квартиры? Там воры, убийцы, маньяки и другие представители варварских слоев населения! Бродят кругами и подыскивают себе новую жертву... Там смертельные болезни и автомобильные аварии, там температурные перепады, воспаление легких, пиелонефрит и...

– Там самая обыкновенная жизнь, – устало сказал Сергей. – Повторяю, я могу устроить вас в гостиницу.

– Нет, – категорично ответила Ольга, стукнув кулаком по столу.

– Да! – взревел Сергей, отбирая у нее нож и вилку.

На лестничной клетке девушки оказались довольно быстро. Хозяин квартиры был резок и настойчив – выставил их за дверь и пожелал доброго сна. Да уж, психоаналитикам тоже нужен покой, и, как ни крути, они имеют право на собственную жизнь, совершенно не связанную с их пациентами.

– И что нам теперь делать? – почесала затылок Ирочка.

– Никуда мы отсюда не пойдем, – нахмурилась Оля. – Мне страшно. Наверняка около моего дома дежурит с ружьем убийца Самаринского, а может быть, даже с пулеметом – сейчас есть компактные модели, не издающие при стрельбе никаких звуков. Раз, два, и я дохлая. Три, четыре, и ты возлагаешь венки на мою могилу. Пять, шесть, и червяки наступают со всех сторон...

– Может, все-таки в гостиницу? Там кровати и подушки с одеялами... – перебила Ирочка, уже зная, что если этот поток ужасов не остановить, то закончится он

только к утру.

– Там он нас отыщет, нам необходимо надежное убежище. И запиши мой новый номер мобильного телефона, у меня еще одна сим-карта...

– А зачем ты поменяла?

– Чтобы меня нельзя было найти по сигналу.

– По какому сигналу? – не поняла Ирочка.

– Откуда я знаю, – пожала плечами Ольга, – я в этом не разбираюсь. По телевизору видела, как нашли человека при помощи сигнала, который издавал его телефон во время разговора. Надо все предусмотреть.

Ольга вдруг поймала себя на мысли, что прежние страхи, так сильно нервировавшие ее почти два года, улетели в неизвестном направлении. Что настоящая, реальная борьба за жизнь рассортировала чувства и мысли на важные и ерундовые. И что, несмотря на последние события, дышать стало намного легче.

По трубе мусоропровода, гремя, полетела куча не то бутылок, не то банок. Ольга с удивлением отметила, что это ее ничуть не испугало – она даже не вздрогнула.

– Странно, – пробормотала она, задумчиво глядя на дверь Уварова. – То ли он гениальный психоаналитик, то ли случилось чудо.

– Ты чего? – не поняла Ирочка.

– Не обращай внимания, – тряхнула головой Ольга. – Значит, так, доставай из рюкзака куртку и стели на ступеньках. Спать будем здесь.

Ирочка открыла рот, да так и замерла.

– Будем спать на бетоне, пока Уваров не пустит нас в квартиру, – решительно добавила Оля и, плюнув на свои почки и другие части тела, кинула пиджак на пол и демонстративно стала устраиваться поудобнее.

Ирочка постояла с минуту и принялась неторопливо развязывать тесемки рюкзака.

Душа Сергея была не на месте. Психи психами, а все-таки выставил девушек на улицу. Не просто же так они притащились... Может, случилось что-нибудь скверное?

Заняв наблюдательный пункт у окна, Сергей окинул взглядом улицу. Сейчас они выйдут, он убедится, что все в порядке, что Оля и Ира бодры и веселы, а их появление на его пороге – это всего лишь причуда или бзик, и можно разморозить в микроволновке еще две отбивные.

Через пять минут пришлось плестись к двери – все не так просто, как хотелось бы, о спокойном вечере и даже утре можно забыть.

– Допишу диссертацию, и к черту эту работу, – сказал он, заглядывая в дверной «глазок».

Ирочка, привалившись к стене, сидела на ступеньке и мечтательно смотрела на потолок. Ольга примостилась рядом и, жуя шоколадный батончик, все свое внимание направила на пухлый глянцевого журнала: листала его не спеша, изучая, по всей видимости, только картинки.

Сергей распахнул дверь и посмотрел на девушек с раздражением и вселенской тоской.

– Не помешаю? – едко спросил он, пытаясь вспомнить, есть ли у него два комплекта чистого постельного белья.

– Нет, не мешаете, если хотите, присоединяйтесь, – кивнула Ольга, отрываясь от рекламной картинки кофе.

– К чему? – вздохнул Сергей. – К чему присоединяться?

– К акции протеста, – важно ответила пациентка, обводя взглядом разложенные пожитки и Ирочку.

- И против чего, позвольте спросить, вы протестуете?

- О! У нас целая куча претензий. Но в основном мы говорим гневное «нет» психоаналитикам, халатно относящимся к своим подопечным, и мужчинам, выгоняющим женщин на улицу, - с удовольствием пояснила Оля.

- Вы, между прочим, - решила поддержать подругу Ирочка, - подходите под оба пункта. Постыдились бы.

- Стыжусь, - фыркнул Уваров. - Собирайте все, что вы здесь разбросали, и марш в квартиру. Но предупреждаю - останетесь только на одну ночь, завтра же отправитесь в гостиницу.

Подскочив от радости, Ольга подлетела к Сергею, чмокнула его в щеку и, не дожидаясь второго приглашения, юркнула в коридор. Ирочка, улыбаясь до ушей, стала собирать вещи.

Подушки были мягкие, а накрахмаленное постельное белье пахло, как в детстве, прачечной. Оля с Ирочкой расположились на широком диване в небольшой комнате и чувствовали себя превосходно. Организационные вопросы ночлега решены, страхи отступили, и теперь можно поболтать на тему «а что же делать завтра».

- Давай подбросим брелок следователю, - шепотом предложила Ирочка. - Напишем какую-нибудь анонимную записку и подбросим.

- Нет, потеряется еще, а это все-таки улика. И кто знает, может, она спасет меня от тюремного заключения, когда правда всплывет на поверхность.

- Мне кажется, Васечкин уже успокоился и тебя не подозревает.

- Еще как подозревает, - прошипела Оля, поворачиваясь на бок. - Вопросы с заковыркой задавал, да и замужем я была за не слишком-то порядочным человеком, так что моя куриная шея уже в метре от топора.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/yuliya-klimova/prinuditel-noe-vlechenie>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)